

УДК 502.31(4/9)

К ВОПРОСУ О ПОЛИМАСШТАБНОСТИ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ: ТИПОЛОГИЯ И КАРТОГРАФИРОВАНИЕ НА РАЗНЫХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ УРОВНЯХ

© 2015 г. О.А. Климанова, Е.Ю. Колбовский

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
географический факультет, Россия; oxkl@yandex.ru; kolbowski@mail.ru*

Поступила в редакцию 04.04.2014 г.

Изложен подход к пониманию модели состава культурного ландшафта, разработанный для его типологии и картографирования на разных территориальных уровнях. Предлагаемая модель складывается из точек (локусов), треков (линий) и шейпов (полигонов), совокупность которых отражает многообразие форм и типов антропогенного воздействия. Возраст культурного ландшафта понимается как возраст, входящих в его состав элементов, свидетельствующих об опыте взаимодействия человека и природы. Высказывается предположение, что проблема полимасштабности культурного ландшафта определяется и полимасштабностью культуры. Подход иллюстрируется при выделении элементов культурного ландшафта на локальном уровне для отдельных районов Европы и на региональном уровне для Средиземноморья. Рассматривается индикаторная роль объектов культурного наследия признанной мировой значимости в определении возраста культурных ландшафтов и ареалов ландшафтного палимпсеста по составу и локализации.

Ключевые слова: культурный ландшафт, антропогенное воздействие, полимасштабность, Европа, Средиземноморье, объекты культурного наследия.

“Культура” и “природа” в ландшафте. В определении, закрепленном в Европейской конвенции управления ландшафтами, ландшафт представляется как “синтез объективно существующей реальности и способа ее восприятия, переживания и осмысления” [35]. С одной стороны, данное определение представляет собой одну из форм продуктивного закрепления в законодательстве такого сложно формализуемого понятия, как ландшафт. С другой, оно дает повод к дискуссии о том, как на такой основе могут проводиться типология и картографирование ландшафтов, сочетающих в себе элементы природы и культуры. Последнее достаточно актуально для отечественной географии, в которой понятие “культурный ландшафт” за два последних десятилетия претерпело существенную трансформацию [6].

В советской географии длительное время господствовало представление о ландшафте как объекте, созданном почти исключительно под влиянием физико-географических (природных) процессов [5]. Такой подход имел свои преимущества, поскольку позволял рассматривать ландшафт как разновидность природного ресурса

в рамках существовавшей советской (а затем – постсоветской – также преимущественно сырьевой) парадигмы природопользования. Понятие “культурный ландшафт в отечественной научно-географической лексике отчасти соответствовало словосочетанию “антропогенный ландшафт” и во многом было синонимично понятию “исторический ландшафт” [6]. В современной отечественной географии все большее распространение получает точка зрения о равноправности в составе культурного ландшафта наряду с природными и элементами материальной и духовной культуры, в той или иной степени несущих особую смысловую нагрузку [4, 6].

В зарубежной географии ландшафт как феномен культуры активно изучается с начала XX в. [33]. Представление о нем как “тексте” со своим “словарем”, “грамматикой” и “синтаксисом” было предложено классиком английской исторической географии У. Хоскинсом [22], чей знаменитый труд “Making of the English Landscape” положил начало целой серии исследований ландшафтов Британии, вылившейся в итоге в общенациональную программу инвентаризации (“Historic

landscape characterization”) [18, 29]. С наибольшей полнотой этот аспект развивал Д. Косгроув, воспринимавший ландшафт как своего рода документ, запечатлевающий немые социальные реалии исторической эпохи, со своей знаковой системой (иконикой) и символикой: “Ландшафт – это культурный образ, художественный способ презентации структурирования и наделяния символами нашего окружения... Ландшафт – это социальный и культурный продукт, способ видения, спроецированный на землю и обладающий своей собственной техникой, средствами формирования композиции; ограничивающий способ восприятия, который уменьшает, конкретизирует альтернативные режимы переживания наших отношений с природой” [16, р. 269].

Реальные исследования, проведенные в последующие годы в разных странах Европы, доказывают, что если ландшафт и “текст”, то текст – многократно стираемый и написанный заново. К нему применимо понятие “палимпсеста”, использованное автором “полевой археологии” Кроуфордом [17], совместившим исторические шестидесятилетние карты английской топографической службы “Ordnance” с аэрофотоснимками середины XX в. “Поверхность Англии как палимпсест – документ, который был неоднократно написан, а затем стерт раз за разом, и дело археолога в поле – расшифровать эти письма. Знаки, которые должны нас интересовать – это, разумеется, поля и полевые границы, леса, фермы и поселения, а также все иные продукты человеческой деятельности – это и есть буквы и слова, начертанные на поверхности земли” [17]. “Интерпретируя ландшафт” (выражение М. Эстона), географы Англии смогли воссоздать историю культурного пространства как пространства обитания нации в рамках различных хронотопов [9, 10, 32]. В ходе подобной реконструкции удалось связать материальные элементы, сохранившиеся в ландшафте и отражающие характер антропогенного воздействия, с “культурным слоем” своего времени и получить представление об их сочетаниях, характерных для разных исторических эпох.

Особую сложность при картографировании составляет учет субъективной составляющей культурного ландшафта, в частности его эстетических качеств. Так, сложным взаимосвязям между национальным пейзажем и культурным ландшафтом посвящен целый ряд исследований авторов, разработавших представления об эстетике окружающей среды (“environmental aesthetic”) (С. Белл [13], Д. Портуэс [30], П. Мэтьюз [25], Р. Парсонс и Т. Дэниел [28], Р. и С. Каплан [23], А. Карлсон [15] и др.). Одним из практических результатов

работ в сфере визуально-эстетических свойств ландшафта стала методика оценки воздействия на их эстетические свойства (так называемый Visual Impact Assessment), которую в странах Евросоюза и Северной Америки используют как в рамках обычного ОВОСа, так и отдельно.

В российской географии также имеются примеры продуктивного регионального анализа истории культурного ландшафта, например, российского Северо-Запада [2] и Центральной России [7]. Особое направление образует изучение культурных ландшафтов усадебных комплексов [3].

Оценивая опыт упомянутых зарубежных и отечественных работ в области картографирования культурных ландшафтов, стоит отметить, что главное отличие между ними заключается в самом понимании словосочетания “культурный ландшафт”. Для Европы – наиболее давно и интенсивно освоенной части планеты – человек включен в ландшафт изначально: некорректно ставить вопрос о ландшафте без человека (вне человека) – да и человек без ландшафта может существовать разве что за пределами Земли [31]. Поэтому во многих (но не всех!) европейских трактовках понятия “культурный ландшафт” и ландшафт синонимичны по своему значению, особенно в том случае, если речь идет о ландшафтах сельской местности, сохранивших материальные следы трансформации человеком в различные эпохи. В такой трактовке не идет речь о разделении “природы” и “культуры”. Формируя ландшафт как тонкую (пригодную для существования) прослойку между обществом и природой, человек привносил разнообразное влияние культуры, которое сказывалось в рисунке освоенного пространства, характерной мозаике сельской местности, характере застройки городов, стилевой проработке частных и общественных владений. Обратное влияние выстроенного таким образом культурного ландшафта проявлялось в характере восприятия, способах дифференциации и оценивания ландшафта, а также в формировании иконики ландшафта – культурных кодов, символики и образов.

Подобное понимание культурного ландшафта предполагает изменение в представлениях о территориальной структуре ландшафта, его типологии и полимасштабности. Оно также делает необходимым представление культурного ландшафта в виде пространственной (или хотя бы, для начала, территориальной) модели, пригодной для картографирования на разных территориальных уровнях.

В отечественной географии уже предложен ряд пространственных и структурно-морфологи-

ческих моделей [4], однако, на наш взгляд, они, скорее, носят концептуальный характер, а их применение для картографирования реальных территорий на локальном и региональном уровне с использованием строгих алгоритмов ГИС пока ограничено.

Культурный ландшафт: модель состава системы и картографирование на локальном уровне. Исходя из положений общей теории систем, культурный ландшафт может быть охарактеризован с позиций структурного и функционального подходов. Если в рамках функционального подхода система рассматривается исключительно с позиций ее связи с внешними объектами, то структурный подход предполагает изучение ее состава – элементов и подсистем [1]. В основе такого подхода лежит представление о том, что современный облик культурного ландшафта – результат длительного взаимодействия общества и природы на конкретной территории, то есть уже отражает сложившиеся между ними связи. При картографировании такой культурный ландшафт может быть представлен совокупностью трех основных элементов: локусов (*points*) – точечных элементов (их главная характеристика – локализация), ареалов (площадных элементов, обладающих границами и формой) и треков (линейных элементов, несущих свойство направления (векторности) и имеющих протяженность (длину)) [27].

Так, на ранних этапах исторического развития сельских культурных ландшафтов Европы можно с уверенностью локализовать “нуклеус” (или локус) – центральное место поселения (площадь, церковь или особняк феодала, или просто “грин” для содержания стада или даже обычный сельский пруд). Вокруг него располагались дома с огородами и садами, затем – на ближайшей периферии деревни – пахотные угодья, за ними – общинные выгоны и сенокосные луга, и, наконец, на дальнем фронтире освоенного мира – общинные (или владельческие) леса [14]. Согласно изложенной выше модели пашни, пастбища и леса можно представить как шейпы или участки (*plots*), роль линейных элементов в этой системе была отведена прежде всего дорогам, но также и руслам судоходных сплавных и (или) рыболовных рек, мелиоративным каналам или дамбам. При этом точки (*points*), участки (*plots*) и линии (*lines*) представляют собой не просто удобные для формализации (картографирования) геометрические примитивы, но организующие и взаимосвязанные элементы, которые в зависимости от множества факторов способны формировать разнообразные функциональные пространственные структуры.

Подобный подход позволяет выявлять элементы культурного ландшафта, а также их совокупности – культурно-ландшафтные комплексы (по М.Е. Кулешовой) на преимущественно руральных территориях в масштабе 1 : 10 000 с использованием простейшего инструментария общедоступного картографического сервиса Google Earth. Часть из них представлена на рис. 1 и в табл. 1.

Процессную составляющую культурного ландшафта отражают функционирование его отдельных элементов в разные эпохи (например, их унаследованность в разные исторические периоды) и связь между ними. Эта тематика составляет один из интереснейших и пока слабо исследованных аспектов культурного ландшафта. Вот лишь несколько примеров. Шейпы (участки, ареалы) находятся в сложной диалектической зависимости с линиями: оформление контуров полей как ареальных площадных сущностей одновременно приводит к возникновению линейных элементов культурного ландшафта. Так, огораживание (“*enclosure*”) общинных земель в Британии производилось в разные эпохи посредством устройства в агроландшафте новых межевых линейных элементов – каменных кладок, дрен, живых изгородей и старинных аллей, которые одновременно служили границами вновь формируемых ареалов (шейпов). С обнаружения этих границ, порой едва различимых в облике современной местности, началась так называемая “археология ландшафта” в Англии в середине прошлого века.

Фиксация межевых элементов позволила увидеть иной рисунок освоения предшествующих эпох (хронотопов) и разработать соответствующую типологию культурных ландшафтов. Все эти элементы генерируют формирование и изменения других элементов ландшафта: при этом их взаимоотношение с окружением контролируется многими факторами, часть которых не может быть ни дешифрирована по аэрофотоснимку, ни выявлена в результате полевых исследований: таковы казуальные связи, определяемые социально-экономическими отношениями (вассальными, арендными, торговыми, иными). Так, не всегда очевидна связь между водяной мельницей и характером контурных границ сенокосов и пастбищ выше и ниже по течению реки. Другой пример – важность форм содержания скота в некоторых сельских сообществах: например в английских поселениях место ночевки (и охраны) скота, так называемый грин (*green*) часто служило ядром, вокруг которого формировалась впоследствии вся жилая застройка.

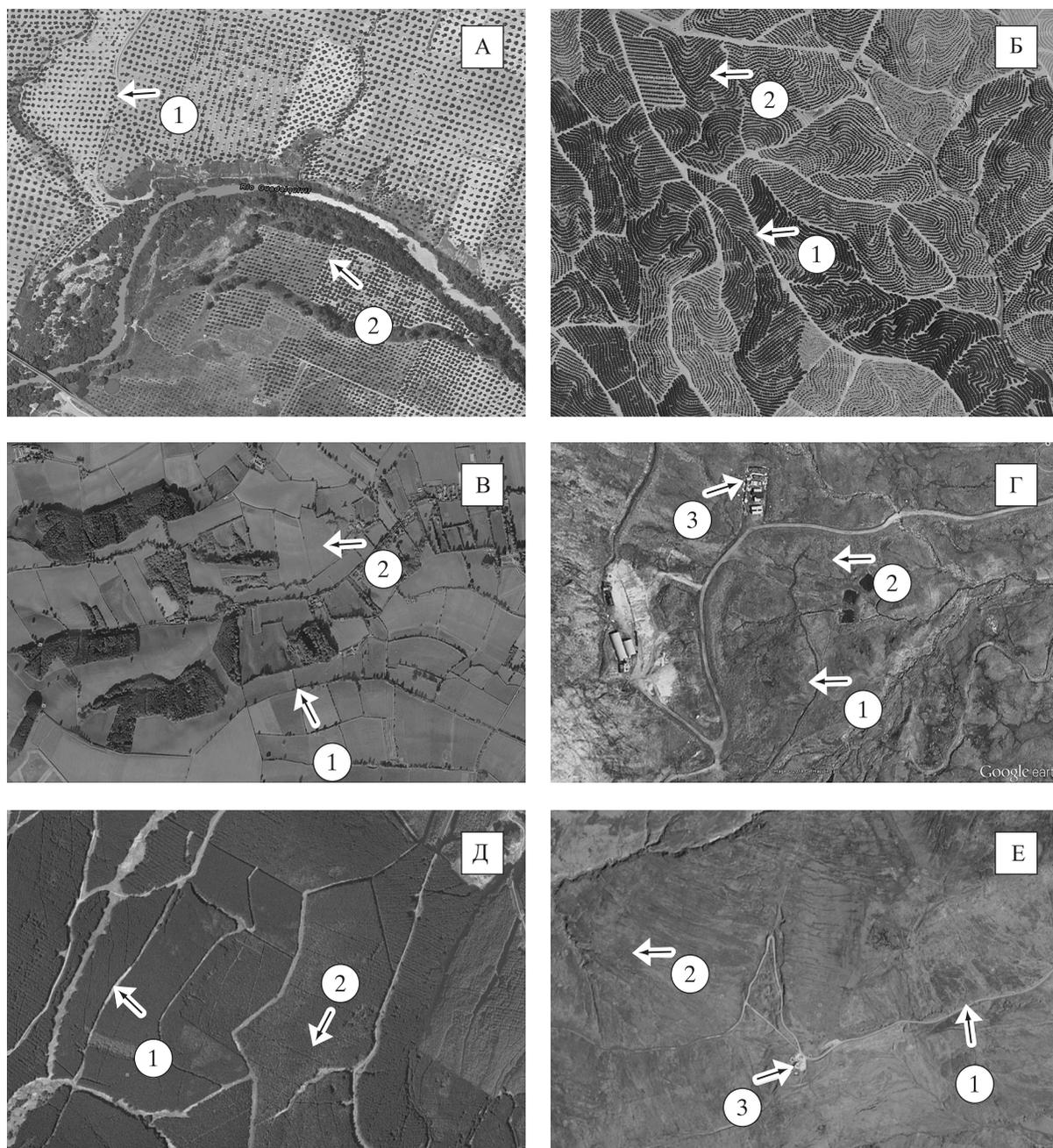

Рис. 1. Элементы состава культурно-ландшафтных комплексов на локальном уровне.

А – Долина р. Гвадалквивир (Испания), полевой культурно-ландшафтный комплекс плантации оливковых деревьев, Б – провинция Уэльва (Испания), полевой культурно-ландшафтный комплекс, виноградники, В – Эдинггли (Великобритания), полевой культурно-ландшафтный комплекс, поля зерновых с огораживанием XVIII в., Г – Пертшир (Великобритания), раннепромышленный культурно-ландшафтный комплекс, рудники, Д – Уэльс (Великобритания), лесохозяйственный культурно-ландшафтный комплекс, кварталы лесов XVII в., Е – Шотландия, пастбищный культурно-ландшафтный комплекс.

1 – треки (живые изгороди, дрены, дороги, просеки); 2 – ареалы (поля, лесные кварталы, участки пастбищ); 3 – локусы (точки).

Линейные элементы (*lines*) – дороги, осушительные дрены и ирригационные каналы, а также границы всех видов – связаны с локальными пунктами (новое поселение заставляет дорогу “выбрасывать” новое ответвление) и, в свою оче-

редь, они способны изменять свое окружение – переформируя очертания шейпов (участков) вдоль своего протяжения: активно используемые дороги всегда трансформировали характер лэндюза в прилегающих полосах. Так, на юге Испании

Таблица 1. Элементы культурно-ландшафтных комплексов Европы (фрагмент) (буквенные индексы и цифры соответствуют рис. 1)

Функциональные типы комплексов	Треки (1)	Ареалы (2)	Локусы (3)
Полевой (А-В)	Межевые тропы, дамбы и каналы, аллеи и живые изгороди, каменные стенки и набросы (ровницы), огораживающие элементы	Поля и полосы различной формы	Станы, ремизы, межевые знаки
Пастбищный (Е)	Скотопрогонные дороги и тропы, огораживающие элементы	Пастбища различного типа, сенокосы и поляны для выпаса среди леса	“Грины” в центре деревень, убежища и “дневки”, водопои, фермы
Селитебный (сельский)	Улицы, определяющие композицию населенного пункта, и сельские дороги	Участки застройки из домов, хозяйственных строений и примыкающих огородов и садов	Сельские церкви, часовни, центральные площади, пруды и т.д.
Лесохозяйственный (Д)	Лесные просеки, лесные дороги, огораживающие элементы	Лесные кварталы и участки различной формы строевого и дровяного леса, лесные охотоуголья (“зверинцы”)	Времянки, ямы углежогов, центры лесных дач
Усадебный	Геометрические сечения регулярных парков, усадебные дорожки и огораживающие элементы пейзажных парков	Формы регулярных парков и ареалы пейзажных парков	Усадебные строения и центры регулярных парков

устройство ирригационного канала в исламскую эпоху разительным образом меняло всю мозаику используемых земель. Кроме того, линии создают новые локусы-пункты на своих концах или поворотных точках, а также в точках слияния или разветвления.

Приведенные выше примеры позволяют предположить, что на локальном уровне (в масштабе 1 : 10 000–1 : 25 000) важнейшим этапом картографирования культурных ландшафтов становится интерпретация наблюдаемых элементов и их простейшая типология по геометрии (конфигурации). Методология, лежащая в основе описания исторического характера ландшафтов, достаточно проста и заключается в сплошном (а не избирательном) картографировании – унаследованных элементов современных сельских и городских ландшафтов.

Инвентаризация ландшафтов начинается с систематической идентификации и описания исторических признаков (черт, атрибутов) современных сельских и городских ландшафтов, включающих современное и прошлое использование земель, конфигурацию и характер дробления лесных массивов, форму полей, вид и конфигура-

цию межевых элементов, характер троп и дорог, характер застройки и виды планировки населенных пунктов, топонимические особенности и т.д. Логично предположить, что, идя по “дедуктивному” пути, накапливая все больший “банк данных” элементов культурных ландшафтов, мы, в конце концов, придем к обобщению категорий культурных ландшафтов и созданию их типологий для отдельных стран.

В качестве источников инвентаризации (в порядке значимости) выступают аэрофотоснимки и современные космические крупномасштабные снимки, исторические (старые) карты, планы и документы межевания, а также текстовые списки описания к ним, данные SRTM съемки, результаты специальных полевых изысканий и археологических исследований.

В последнее время для характеристики культурных ландшафтов городской и сельской среды используют специальные тематические комплексы на базе ГИС-программ – так называемые исторические геоинформационные системы (ИГИС) [20]. В основе ИГИС, как правило, современная крупномасштабная цифровая карта местности с привязанным к ней крупномасштабным кос-

моснимком. К этой основе с помощью тех или иных инструментов пространственной привязки растров добавляются все возможные картографические источники, часть из которых также подвергается последующей оцифровке. Наличие векторных слоев землепользования, относящихся к различным эпохам, делает возможным процедуры оверлея и открывает путь к полноценному картографическому анализу.

В результате такого анализа формируются простые классификационные группы, составляющие основу структуры базы данных, например “огороженные земли” или “открытые земли”. Такие полигоны полевых угодий вместе с соответствующими фрагментами селитьбы образуют паттерны, которые, в свою очередь, формируют исторические ландшафты, являющиеся и обобщенными (типологическими), и в то же время индивидуальными (специфичными для каждой географической области).

Культурные ландшафты как индикаторы цивилизационного освоения. Несмотря на то, что темпы преобразования ландшафтов во всех европейских странах достаточно высоки, история формирования культурных ландшафтов в разных частях Европы отличается довольно разительно. Подобные различия связаны как с потенциалом ландшафтов, так и с характером смены хронотопов, характерных для соответствующих цивилизаций. В регионах с наиболее длительной и сложной цивилизационной историей, например, в Средиземноморье, особый интерес представляет выявление ареалов культурно-ландшафтных палимпсестов. Для них характерны однотипные цивилизационные смены, обусловившие одновременное присутствие в современном культурном ландшафте следов сразу нескольких цивилизаций.

Значительный возраст (более двух с половиной тысяч лет) таких культурных ландшафтов позволяет говорить о них только как об отдельных, небольших по площади сохранившихся ареалах, дающих представление и об истории и соотношении модели состава культурных ландшафтов тех эпох. Часть этих культурных ландшафтов попала в список Всемирного природного и культурного наследия ЮНЕСКО, другая часть включена в региональные и страновые базы данных объектов, представляющих интерес с точки зрения своей культурной ценности. При этом объекты, попавшие в список Всемирного наследия и аналогичные региональные списки, редко внесены туда по категории “культурные ландшафты” [6]. Чаще они представляют собой археологические

памятники, а также значимые объекты истории и архитектуры. Подобная особенность определяет необходимость дополнительного анализа таких списков, теперь уже с позиций переклассификации объектов как культурных ландшафтов и их интерпретации как элементов модели состава. В то же время важное преимущество использования мировой базы данных объектов наследия – высокая достоверность информации об этих территориях, в первую очередь об антропогенной трансформации, что позволяет установить возраст “очень почтенных” культурных ландшафтов с высокой степенью достоверности.

Подобная переклассификация и анализ были проведены нами для почти 200 объектов Всемирного наследия, внесенных в Список ЮНЕСКО в 21 стране Средиземноморья. Все представленные объекты были разбиты на восемь типов, каждый из которых был интерпретирован как элемент модели состава. Было выделено два типа точечных элементов (отдельные архитектурные объекты, монастырские и замковые комплексы; храмовые комплексы и некрополи), а также шесть типов ареальных элементов (наскальные рисунки; развалины древних поселений; исторические центры городов; системы природопользования; культурные ландшафты, в том числе дворцово-парковые ансамбли). Линейные элементы как отдельные объекты выделить не удалось, однако они часто входят в состав ареалов. Например, объект Альгамбра (Андалусия) представляет собой дворец-крепость (локус), состоящую из построек, возведенных с XII по XV в. Часть ее окрестностей занята садами Хенералифе (ареал), другая – селитебными постройками, которые ранее были окружены огородами и поливными землями (уэртами). На прилегающих склонах – оливковые плантации и ландшафт деэсы (лесопастбищный ландшафт), трансформированный уже в послеарабское время. Линейные элементы культурного ландшафта – ирригационный канал, отводящий воду от ручья ДаррО, и дорога, связывающая крепость с нижележащим кварталом Альбаисин.

Практически треть (32%) из всех рассмотренных объектов представлена историческими центрами городов – больше всего их в Северной Африке, Леванте и на Пиренейском полуострове. Системы природопользования и культурные ландшафты (к ним относятся как объекты этой категории, так и парковые ансамбли и некоторые другие объекты) составляют более одной пятой (23%) всех рассмотренных объектов. На другие типы ареалов – развалины древних поселений, наскальные рисунки, монастырские и замковые комплексы вместе приходится еще 26% объектов.

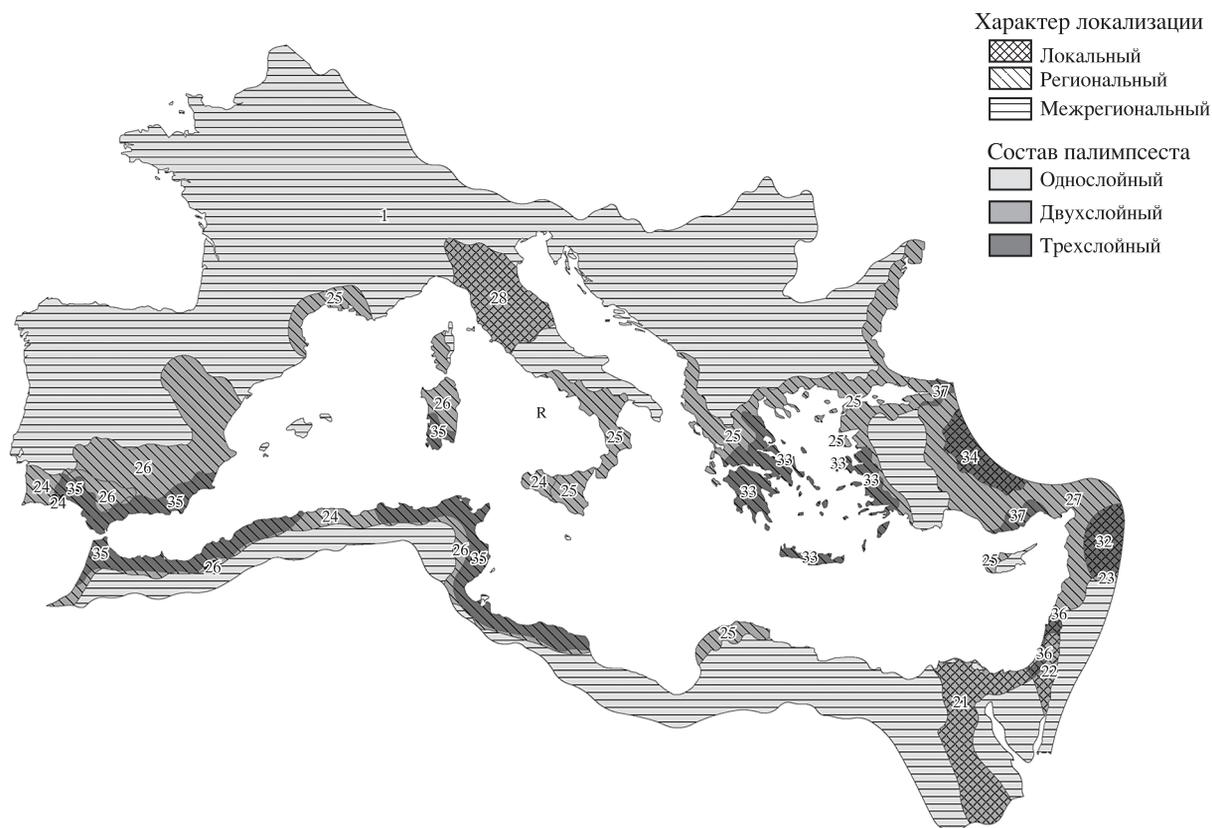

Рис. 2. Тип цивилизационной смены и ареалы ландшафтных палимпсестов по составу и локализации в пределах Средиземноморья.

Цифрами обозначены следующие цивилизационные смены:

Трехслойный палимпсест: 31 – древние египтяне – ассирийцы – древние римляне; 32 – шумеры – ассирийцы – древние римляне; 33 – крито-микенцы – древние греки – древние римляне; 34 – хетты – ассирийцы – древние римляне; 35 – финикийцы – карфагеняне – древние римляне; 36 – древние иудеи – древние египтяне – древние римляне; 37 – древние греки – ассирийцы – древние римляне;

Двухслойный палимпсест: 21 – древние египтяне – древние римляне; 22 – шумеры – ассирийцы – древние римляне; 23 – шумеры – древние римляне; 24 – финикийцы – древние римляне; 25 – древние греки – древние римляне; 26 – карфагеняне – древние римляне; 27 – ассирийцы – древние римляне; 28 – этруски – древние римляне;

1 – ареал распространения древнеримской цивилизации.

Перечисленные типы объектов представляют собой в первую очередь реликты культурного ландшафта, но часть из них используется и сейчас по прежнему функциональному назначению.

Анализ истории развития КЛК мировой значимости показал, что треть из них относятся более чем к одной исторической эпохе, при этом 60% таких объектов имеют возраст более 1 тыс. лет. Совместно с другими свидетельствами присутствия цивилизаций линейного, точечного и ареального характера они образуют ареалы культурных ландшафтов, картографическим отражением которых в мелком масштабе на макрорегиональном уровне можно считать собственно ареал распространения цивилизации [11, 12]. Наложение ареалов распространения цивилизаций в Средиземноморье до момента падения Римской империи

(V в. н.э.) позволило выявить ареалы с однотипными цивилизационными сменами – выделено 15 неповторяющихся типов таких смен. Ареал, объединяемый одним типом цивилизационной смены, соответствует территории перекрытия культурных ландшафтов различных эпох и образует область ландшафтного палимпсеста (рис. 2).

В зависимости от типа цивилизационной смены – две или три цивилизации – формируются ареалы дву- и трехслойных палимпсестов. Как известно, первой цивилизацией, освоившей территорию всего Средиземноморья стала цивилизация Древнего Рима. В периферийных частях региона ее культурные ландшафты не унаследовали и практически не включили в свой состав более ранние по возрасту элементы. Напротив, они стали основой для более поздних ландшафтных

палимпсестов. Закономерно наиболее сложные по составу палимпсесты были приурочены к районам наиболее древнего освоения – югу Балканского полуострова, Северной Африке, югу Пиренейского полуострова, Эгейскому побережью Малой Азии и Леванту (табл. 2).

Одновременно эти районы представляют собой территории, где на смену локальным цивилизациям пришли региональные и, наконец, межрегиональная древнеримская, охватившая все Средиземноморье. Сопоставление ареалов распространения цивилизаций и местоположения объектов наследия свидетельствует, что основные узлы культурно-ландшафтного каркаса были заложены на последнем этапе древнеримской цивилизации. Большая часть линейных элементов, связывающих эти узлы и дошедших до наших дней, например Аппиева дорога, ведущая из Рима в Малую Азию и Грецию, также возникли в это же время. Наконец, значительную часть региона, в основном, в его периферийных частях, представляют собой территории, где культурные ландшафты сложились в разное время, но уже в течение периода древнеримской цивилизации.

Полимасштабность культурного ландшафта. В отечественных ландшафтных исследованиях уже достигнуты успехи в разработке методов и алгоритмов полимасштабного анализа [8]. Однако в полимасштабных исследованиях культурного ландшафта возникающие объективные сложности связаны как со смешанной природой самого рассматриваемого объекта – культурного ландшафта, так и разными временным и пространственным масштабами процессов, приводящих к его формированию.

Традиционное и наиболее широко распространенное понимание масштаба связано с размером объекта и предполагает количественное измерение изучаемого объекта или явления [19]. Оно наиболее распространено в случае, когда мы имеем дело с объективно существующим и измеряемым объектом, например, в экологических исследованиях или при картографировании. Выбор масштаба в этом случае тесно связан с так называемым “масштабом наблюдения” (observational scale), который, в свою очередь, определяется сочетанием разрешения и территориального охвата [21].

Так, в рассмотренных нами примерах это размер “окна” (экрана). В нем различимы элементы культурного ландшафта, которые в совокупности позволяют проследить связь между ними и обеспечивают его целостность. Предварительно

Таблица 2. Цивилизации древнейшего времени и античности в разных регионах Средиземноморья

Период	Пиренейский полуостров	Южная Франция	Апеннинский полуостров	Балканский полуостров	Полуостров Малая Азия	Левант и Ближний Восток	Египет (Нижний Нил)	Магриб	Острова
3500 г. до н. э.						Шумерская	Древне-египетская		
XIV в. до н. э.				Крито-микенская (зона влияния)	Крито-микенская (зона влияния)				Крито-микенская (ядро)
XIII в. до н. э.					Хеттская (ядро)	Хеттская (зона влияния)			
VI в. до н. э.	Финикийская (юг) (зона влияния), Тартессы (долина Гвадалquivира)	Древнегреческая (зона влияния)	Древнегреческая (юг – зона влияния), Эгрусская (север, ядро)	Древнегреческая (ядро)	Древнегреческая (зона влияния)	Иудейская (центр), Финикийская (ядро), ассирийцы		Финикийская (зона влияния), Древнегреческая (зона влияния)	Финикийская (запад Сицилии, юг Сардинии, Балкарские острова, восток Кипра)
II в. н. э.	Древнеримская империя								

в результате перебора изображений в общедоступном картографическом сервисе Google Earth и аналогичных программах можно высказать предположение, что этот выявленный масштаб составляет 1 : 10 000 и крупнее.

В то же время ряд исследователей полагает, что иерархическое или вертикальное понимание масштаба уже не соответствует сложности процессов в системе общество-природа, а сам масштаб скорее является онтологической, нежели эпистемологической категорией [24], [26]. Иными словами, масштаб наблюдения не связан исключительно с субъективным выбором исследователя, он определяется объективным, материальным воплощением пространственной и временной изменчивости, которая, в свою очередь, формируется разной скоростью и охватом процессов, формирующих пространственную неоднородность [34].

В случае с культурным ландшафтом его полимасштабность определяется и полимасштабностью культуры. Говоря о ландшафте какой-то страны, мы имеем в виду собирательный образ (ибо не существует “типичного” ландшафта Британии или Испании), который при переходе на уровень провинции распадается на конкретные “воплощения”, но и последние могут иметь “стилевые” особенности на уровне местных ландшафтов.

На разных территориальных уровнях ландшафт представляет собой вместилище человека, социальных групп, этносов и наций, отражающее специфику исторического социально-экономического фона (хронотопа), особенности мировосприятия и мировоззрения, национальный характер. Культурный ландшафт в таком случае становится не просто “вещающим” для конкретного этноса, а пространством для развития цивилизации, нередко включающей в свой состав разные этносы. В хронологическом отношении ареал культурного ландшафта определенного этноса меньше, чем ареал культурного ландшафта, характерного для определенной нации. Национальные государства выкристаллизовались из этнических конгломератов, в основном в течение XIX в., что сопровождалось формированием общенациональных “вкусов” к оформлению ландшафта и широко отразилось в национальной пейзажной живописи [36].

Сочетание ландшафтов различного функционального назначения при переходе на следующий территориальный уровень (1 : 50 000–1 : 200 000) образует рисунок (мозаику) освоения, представляющий собой фрактальную структуру с выраженными свойствами самоподобия. Свойство фрактальности мозаики освое-

ния состоит и в том, что изменение масштаба не ведёт к упрощению структуры, то есть на всех шкалах мы увидим сложную картину. Так, в масштабе сельского прихода (1 : 50 000) деревня или городок будут выглядеть точкой, но при переходе на более крупный масштаб (1 : 10 000) мы увидим внутреннюю структуру поселения и сможем выделить нуклеус (ядро поселения), участки линейной или угловой планировки, сакральные центры, торговые площади и т.д. Шейп (ареал) общинных лугов разобьется на сенокосные участки, так же как и контур пашни – на узкие лоскуты (коны) или полосы владельцев. Мозаики освоения, возникшие в различных физико-географических условиях в конкретные исторические эпохи, по-видимому, формируют культурно-ландшафтные регионы.

Иногда чтобы понять, как организован целый регион, – очень важно понимать организующую роль церкви, замка, рыночной или ярмарочной площади. Размещение и взаиморасположение элементов состава культурного ландшафта будет определяться распределением критических ресурсов. На “однородной равнине” мы получаем “сотовые” модели освоения, при концентрации ресурса в центре – расходящиеся концентрические “кольца” – деревни вокруг города с рынком, при концентрации ресурса вдоль линии – “приречные” модели освоения с промысловым характером природопользования и т.д. Предельные мозаики освоения будут формироваться вдоль морских побережий, на высоких горных плато или вдоль ущелий или овражно-балочных систем. Однако для нас важно то обстоятельство, что при инвентаризации культурных ландшафтов мы можем фиксировать влияние тех или иных факторов (как природного, так и социального характера), изучая размещение (локализацию) элементов и их форму по доступным источникам, а также фиксируя время их возникновения.

Заключение. Описанный выше подход к пониманию ландшафта (в европейской традиции) и культурного ландшафта (в отечественной традиции) отчетливо приводит и к переосмыслению габаритной таксономии последних. В этом смысле неправомерно представлять культурные ландшафты как небольшие (площадь до нескольких кв. км) участки – “заплатки на одеяле” природного ландшафта, которые могут быть выделены лишь в крупном масштабе. Напротив, вся территория, имеющая длительную историю освоения, может быть представлена как совокупность культурных ландшафтов. И здесь важно не повторять методологические заблуждения отечественного

“природного” ландшафтоведения, представляя культурные ландшафты в виде иерархии вложенных “матрешек” – уровней – “фаций”, “урочищ”, “местностей”. “Ткань”, пространство культурного ландшафта – это скорее комбинаторика – сочетания (агрегации) различных по габаритам элементов, соединенных “силовыми линиями” культурно-социального поля (напряженности) исторической эпохи. При смене эпох возникают новые “напряжения” и рисунок ткани меняется, иногда роковым (для исторического ландшафта) образом. Дополнительные осложнения на этот процесс накладывает трансформация природного фона, в частности колебания климата, которые, например, в центральной и северной части Русской равнины весьма значительно сдвигали границу между “болотом” и “лесом” и меняли условия хозяйственного освоения земель.

Понимание масштаба не только как размера объекта, но и как уровня определяет его роль и в сфере практических действий, связанных с территорией. Так, практика управления ландшафтами формируется, как правило, вне зависимости от масштаба природных процессов, а опирается на уровни административно-территориального деления страны. В этом контексте национальный или страновой означает одновременно и территориальный уровень, и масштаб.

Системность культурного ландшафта проявляется в обратном влиянии слабо формализуемых “культурных проекций” на конкретные страновые практики управления и ландшафтного планирования. Так, в пределах Евросоюза сегодня существуют три хорошо различаемые практики ландшафтного планирования: немецкая с жестким рестриктивным зонированием и назначаемыми режимами природопользования, английская с мягкими рекомендациями местным властям и хозяйствующим субъектам, вырабатываемыми на основе программы инвентаризации исторических ландшафтов и голландская, базирующаяся на детально проработанных оценках визуальной (эстетической) ценности городской среды и сельской местности.

По мнению авторов, подобный подход и подобное понимание делает актуальной разработку новых подходов к инвентаризации, типологии и картографированию культурных ландшафтов, России, которые бы учитывали не только степень антропогенного преобразования, но и унаследованность разных этапов освоения, сохранность их элементов, а также прямые и обратные связи, возникавшие между культурой и природой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гиг Дж. Ван.* Прикладная общая теория систем. Пер. с англ. М.: Мир, 1981. 336 с.
2. *Исаченко Г.А.* Окно в Европу: история и ландшафты. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 476 с.
3. *Исаченко Т.Е.* Дворянские усадьбы и ландшафт: три века взаимодействия // Вестн. СПбГУ. Сер. 7. 2003. Вып. 4 (№ 31). С. 88–101.
4. *Калуцков В.Н.* Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
5. *Колбовский Е.Ю.* Существует ли природный ландшафт: эпистемологический анализ феномена // Изв. Русс. геогр. об-ва. 2013. Вып. 5. С. 49–66.
6. Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Веденина Ю. А., Кулешовой М. Е. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.
7. *Низовцев В.А., Марченко Н.А.* Антропогенный ландшафтогенез – методы и результаты исследований // География, общество, окружающая среда. Т. II. Функционирование и современное состояние ландшафтов / Под ред. Дьяконова К.Н. и Романовой Э.П. М.: ИД “Городец”, 2004. С. 196–213.
8. *Хорошев А.В., Меркалова К.А., Алещенко Г.М.* Полимасштабная организация межкомпонентных связей в ландшафте // Изв. РАН. Сер. геогр. 2010. № 1. С. 26–36.
9. *Appleton J.* The Experience of Landscape. London: John Wiley. 1975.
10. *Aston M.* Interpreting the landscape. Landscape Archaeology and Local History. / Michael Aston. – London and New York Taylor & Francis e-Library, 2002. 168 p.
11. Atlas de Europa Medieval. David Ditchburn, Simon MacLean, Angus MacKay (eds.) Ediciones Catedra, 2011. 365 p.
12. Atlas of World Archaeology. BT Batsford, London, 2003. 208 p.
13. *Bell S.* Elements of Visual Design in the Landscape. London and New York: Spon Press, 2004. 220 p.
14. *Roberts B.K.* Landscapes of Settlement Prehistory to the present. London and New York Taylor & Francis e-Library, 2003. 181 p.
15. *Carlson A.* Nature and Landscape: An Introduction to Environmental Aesthetics. New York: Columbia University Press. 2008. 348 p.
16. *Cosgrove D.* Social Formation and Symbolic Landscape. London: Croom Helm. 1984.
17. *Crawford O.G.S.* Archaeology in the Field, Phoenix House; First Edition. 1953. 280 p.
18. *Fairclough G., Lambrick G. and McNab A.* Yesterday's World, Tomorrow's Landscape: The English Heritage Historic Landscape Project 1992–1994 /

- G. Fairclough, G. Lambrick, A. McNab. London: English Heritage, 1999. 203 с.
19. Gibson C.C., Ostrom E., Ahn T.K. The concept of scale and the human dimensions of global change: a survey // *Ecological Economics*. 2000. № 32. P. 217–239.
 20. Gregory I.N., Ell P.S. *Historical GIS: Technologies, Methodologies and Scholarship* / Ian N. Gregory, Paul S. Ell. (Cambridge Studies in Historical Geography) – Cambridge: Cambridge University press, 2007. 225 p.
 21. Higgins S., Mahon M. McDonagh J. Interdisciplinary interpretations and applications of the concept of scale in landscape research // *J. Environmental Management* № 11. 2012. P. 137–145.
 22. Hoskins W.G. *The Making of the English landscape*. Harmondsworth: Penguin. 1970.
 23. Kaplan R. and Kaplan S. *The Experience of Nature. A Psychological Perspective*. Cambridge, Cambridge University Press. 1989.
 24. Marston S.A., Jones III J.P., Woodward K. Human Geography without scale. *Transactions of the Institute of British Geographers* 30 (4). 2005. P. 416–432.
 25. Matthews P. Scientific Knowledge and the Aesthetic Appreciation of Nature / *J. Aesthetics and Art Criticism*, 60. 2002. P. 37–48.
 26. Meyer W.B., Gregory D., Turner B.L., McDowell P.F. The Local-global continuum. In: Abler R.F., Marcus M.G., Olson J.M. (Eds.). *Geography's Inner Worlds*. Rutgers University Press, New Brunswick, NJ, 1992. P. 255–279.
 27. *PaHisCat*. Historic Landscapes of Catalonia. Methodology. Доступно по адресу: <http://www.catpaisatge.net/pahiscat/eng/metodologia.php>
 28. Parsons R. and Daniel T.C. “Good Looking: In Defense of Scenic Landscape Aesthetics”, *Landscape and Urban Planning*, 60. 2002. P. 43–56.
 29. *Planning and the Historic Environment: Planning Policy Guidance Note 15 / Planning Policy Guidance*. Department of the Environment and Department of National Heritage / London, 1994. 38 p.
 30. Porteous J.D. *Landscapes of the Mind: Worlds of Sense and Metaphor*. Toronto: University of Toronto Press. 1990.
 31. Relph E. *Place and Placelessness*. London: Pion. 1976.
 32. Rippon S. *Beyond the Medieval Village The Diversification of Landscape Character in Southern Britain* / Stephen Rippon – Oxford: Oxford University press, 2008. 323 p.
 33. Sauer K. *Morphology of Landscape* // *University of California*. – Publications in Geography. V. 1925. № 2. P. 19–53.
 34. Sayre N.F. Scale. In: Castree N., Demeritt D., Liverman D. (Eds.), *A Companion to Environmental Geography*. Wiley-Blackwell. Oxford, 2009. P. 95–108.
 35. The European Landscape Convention. [Текст] / European Landscape Convention. *Naturopa Issue* № 98–2002. Council of Europe / Strasbourg, 2002. 24 p.
 36. Wallace R. *The Lie of the Land: Ruskin and the English Landscape Tradition*. M.A. New York University, 1985.

REFERENCES

1. Gigh van J.P. *Applied General Systems Theory*. New York, NY: Harper and Row, 1978, 2nd ed.
2. Isachenko G.A. *Okno v Evropu: istoriya i landshafty* (Window to Europe: History and Landscapes). St. Petersburg: S.-Peterb. Gos. Univ., 1998. 476 p.
3. Isachenko T.E. Houses of nobility and landscapes: three centuries of interaction. *Vestn. S.-Peterb. Gos. Univ., Ser. 7*, 2003, no. 4 (31), pp. 88–101. (In Russ.).
4. Kalutskov V.N. *Landshaft v kul'turnoi geografii* (Landscape in Cultural Geography). Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2008. 320 p.
5. Kolbovskiy E.Yu. Is there a natural landscape: an epistemological analysis of the phenomenon. *Izv. Ross. Geogr. O-va*, 2013, no. 5, pp. 49–66. (In Russ.).
6. *Kul'turnyi landshaft kak ob"ekt naslediya* (Cultural Landscape as the Heritage Object), Vedenin Yu.A. and Kuleshova M.E., Eds. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2004. 620 p.
7. Nizovtsev V.A. and Marchenko N.A. Anthropogenic formation of landscapes: methods and study results, in *Geografiya, obshchestvo, okruzhayushchaya sreda. Tom 2: Funktsionirovanie i sovremennoe sostoyanie landshaftov* (Geography, Society, and Environment, Vol. 2: Functions and Modern Status of Landscape), D'yakonov K.N. and Romanova E.P., Eds. Moscow: Gorodets Publ., 2004, pp. 196–213. (In Russ.).
8. Khoroshev A.V., Merekalova K.A., and Aleshchenko G.M. Polyscale organization of intercomponent relationships in a landscape. *Izv. Ross. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2010, no. 1, pp. 26–36. (In Russ.).
9. Appleton J. *The Experience of Landscape*. London: Wiley, 1975.
10. Aston M. *Interpreting the Landscape. Landscape Archaeology and Local History*. London: Taylor & Francis Publ., 2002. 168 p.
11. *Atlas de Europa Medieval*, Ditchburn D., MacLean S., and MacKay A., Eds. Madrid: Catedra, 2011. 365 p.
12. *Atlas of World Archaeology*. London: BT Batsford, 2003. 208 p.
13. Bell S. *Elements of Visual Design in the Landscape*. London: Spon Press, 2004. 220 p.
14. Roberts B.K. *Landscapes of Settlement Prehistory to the Present*. London: Taylor & Francis Publ., 2003. 181 p.

15. Carlson A. *Nature and Landscape: An Introduction to Environmental Aesthetics*. New York: Columbia Univ. Press, 2008. 348 p.
16. Cosgrove D. *Social Formation and Symbolic Landscape*. London: Croom Helm, 1984.
17. Crawford O.G.S. *Archaeology in the Field*. London: Phoenix House, 1953. 280 p.
18. Fairclough G., Lambrick G. and McNab A. *Yesterday's World, Tomorrow's Landscape: The English Heritage Historic Landscape Project 1992–1994*. London: English Heritage, 1999. 203 p.
19. Gibson C.C., Ostrom E., and Ahn T.K. The concept of scale and the human dimensions of global change: a survey. *Ecol. Econ.*, 2000, vol. 32, pp. 217–239.
20. Gregory I.N. and Ell P.S. *Historical GIS: Technologies, Methodologies, and Scholarship*. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 2007. 225 p.
21. Higgins S., Mahon M., and McDonagh J. Interdisciplinary interpretations and applications of the concept of scale in landscape research. *J. Environ. Manage.*, 2012, vol. 11, pp. 137–145.
22. Hoskins W.G. *The Making of the English Landscape*. Harmondsworth: Penguin, 1970.
23. Kaplan R. and Kaplan S. *The Experience of Nature. A Psychological Perspective*. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 1989.
24. Marston S.A., Jones III J.P., and Woodward K. Human geography without scale, in *Trans. Inst. Br. Geogr.*, 2005, vol. 30, no. 4, pp. 416–432.
25. Matthews P. Scientific knowledge and the aesthetic appreciation of nature. *J. Aesth. Art Crit.*, 2002, vol. 60, pp. 37–48.
26. Meyer W.B., Gregory D., Turner B.L., and McDowell P.F. The local-global continuum, in *Geography's Inner Worlds*, Abler R.F., Marcus M.G., and Olson J.M., Eds. New Brunswick, NJ: Rutgers Univ. Press, 1992, pp. 255–279.
27. PaHisCat, Historic landscapes of Catalonia: methodology. <http://www.catpaisatge.net/pahiscat/eng/metodologia.php>
28. Parsons R. and Daniel T.C. Good looking: in defense of scenic landscape aesthetics. *Landscape Urban Plan.*, 2002, vol. 60, pp. 43–56.
29. *Planning and the Historic Environment: Planning Policy Guidance Note 15*. London: Dep. Environ., Dep. Natl. Herit., 1994. 38 p.
30. Porteous J.D. *Landscapes of the Mind: Worlds of Sense and Metaphor*. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1990.
31. Relph E. *Place and Placelessness*. London: Pion, 1976.
32. Rippon S. *Beyond the Medieval Village. The Diversification of Landscape Character in Southern Britain*. Oxford, UK: Oxford Univ. Press, 2008. 323 p.
33. Sauer K. Morphology of landscape. *Univ. Calif., Publ. Geogr.*, 1925, vol. 2, no. 2, pp. 19–53.
34. Sayre N.F. Scale, in *A Companion to Environmental Geography*, Castree N., Demeritt D., and Liverman D., Eds. Oxford, UK: Wiley-Blackwell, 2009, pp. 95–108.
35. *The European Landscape Convention*. Strasbourg: Counc. Eur., 2002, no. 98. 24 p.
36. Wallace R. The lie of the land: Ruskin and the English landscape tradition, *PhD Thesis*. New York Univ., 1985.

Typology of Cultural Landscapes and their Mapping at Various Territorial Levels

O.A. Klimanova and E.Yu. Kolbovskiy

Faculty of Geography, Moscow State University, Moscow, Russia; oxkl@yandex.ru, kolbowsky@mail.ru

An approach to modeling of a cultural landscape, developed for its typology and mapping at various territorial levels, is presented. The proposed model of cultural landscape consists of points (loci), tracks (lines) and shapes (polygons), which together reflect the diversity of forms and types of anthropogenic impact. The age of the cultural landscape is understood as the age of its constituent elements indicating the experience of interaction between man and nature. It is suggested that the problem of multi-scale nature of the cultural landscape is defined by multi-scale nature of culture. The approach is illustrated by the case of the identification of elements of the cultural landscape at the local level for individual regions of Europe and at the regional level for the Mediterranean. The indicative role of cultural heritage sites of recognized global significance in determining of the age of cultural landscapes and areas of the palimpsest landscape on the base of composition and location is considered.

Keywords: cultural landscape, anthropogenic impact, multiscaleness, Europe, Mediterranean, objects of cultural heritage.